

103
—
220

РѢДКІЙ МАСОНЪ

НА ВЯТКѢ

ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

ВЯТКА.
Губернская Типография.

1899.

103
Z 220

7

Верещагин, А. С.

801-94
2564-4

РѢДКІЙ МАСОНЪ

НА ВЯТКѢ

ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

ВЯТКА.
Губернская Типография.

1899.

Перепечатано изъ „Календаря Вятской губерніи“ на 1899 годъ.
Печатано съ разрѣшенія Г. Вятскаго Губернатора.

6409844

2011138086

am

99

РѢДКІЙ МАСОНЪ

НА ВЯТКѢ ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

Въ своихъ очеркахъ по исторіи вятской культуры мы рассказали о печальной судьбѣ одного масона изъ вятскихъ семинаристовъ прошлаго столѣтія В. Я. Колокольниковъ ¹⁾. Нынѣ мы намѣрены сообщить нашимъ читателямъ нѣкоторыя, неизвѣстныя отчасти, а отчасти малоизвѣстныя, свѣдѣнія о другомъ—заѣзжемъ на Вятку масонѣ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

Знакомые съ мѣстной исторіей, вѣроятно, подумаютъ, что мы здѣсь имѣемъ въ виду извѣстнаго художника и архитектора Александра Лаврентіевича Витберга, котораго вятчане «подозрѣвали» въ масонствѣ. Въ «прикосновенности» Витберга къ масонству едва ли можно сомнѣваться: объ ней говорятъ какъ особенная близость его къ А. Θ. Лабзину и кн. А. Н. Голицыну, такъ и неоднократное его паломничество въ Авдотьино къ ветхимъ уже столпамъ масонства Н. И. Новикову и С. И. Гамалѣ. О прикосновенности Витберга къ масонству говорятъ и самый образъ его мыслей, совѣты Герцену и другимъ читать Эккартгаузена, его строгая жизнь въ духѣ Новикова и Гамалѣ, такіе поступки, какъ напр. призрѣніе несчастной, всеми покинутой съ малыми дѣтьми Медвѣдовой, по смерти ея мужа. Что Витбергъ велъ пѣтистическія бесѣды и поддерживалъ масонскія «связи» даже въ 40-хъ годахъ, какъ «извѣстный человѣкъ такого рода благочестія», на это указываютъ послѣднія страницы, изданныхъ назадъ тому 30 лѣтъ А. Н. Пыпинымъ, «Матеріаловъ для исторіи масонскихъ ложъ». Но жизнь и судьба Витберга довольно извѣстны, и свѣдѣнія о немъ доступны желающимъ: его «автобіографія», записанная съ его

¹⁾ См. «Календарь Вятской губ.» на 1896 г.

словъ «сожителемъ» на Вяткѣ А. И. Герценомъ, напечатана въ «Русской Старинѣ» (1872 г.), а въ послѣднее время нѣкоторыя подробности о вятской жизни Витберга появились въ «Перепискѣ А. И. Герцена съ Н. А. Захарьиной» въ «Русской Мысли» (1893—94 гг.), «Новомъ Словѣ» (1897 г.), «Русской Старинѣ» (1897 г.). Составлять же компиляцію по печатнымъ источникамъ, хотя бы и о такомъ извѣстномъ художникѣ, какъ Витбергъ, мы не имѣемъ свободнаго времени.

Мы говоримъ о другомъ, почти неизвѣстномъ у насъ на Вяткѣ, масонѣ Александрѣ Николаевичѣ Муравьевѣ.

Фамилія Муравьевыхъ не совсѣмъ чужда Вяткѣ. Въ 1857—59 гг. былъ вятскимъ губернаторомъ племянникъ Александра Николаевича Николай Михайловичъ, который, по свидѣтельству г. Шомпулева, готовъ былъ въ шутку принять на себя названіе хлына, какъ бывший житель г. Хлынова, и даже будто бы своихъ предковъ признавалъ уроженцами Вятской губерніи ¹⁾. Еще раньше, именно въ 1853—54 гг., былъ на Вяткѣ вице-губернаторомъ Муравьевъ Петръ Матвѣевичъ, тоже, кажется, родственникъ Александра Николаевича. Но прежде чѣмъ Вятка узнала вице-губернатора, а потомъ губернатора Муравьевыхъ, она познакомилась съ Муравьевыми въ лицѣ предсѣдателя палаты уголовного суда Александра Николаевича.

1) «Русская Старина» 1898 г., октябрь, 75—76. Сообщение г. Шомпулева о «спредкахъ Муравьевыхъ—уроженцахъ Вятской губерніи» приходится всецѣло оставить на его отвѣтственности. Приходится также указать на маленькую неточность въ сообщеніи г. Шомпулева, будто, по словамъ Н. М. Муравьева, Вятская губернія когда-то называлась Хлыньей. Издревле «Вяткой» называлась область по берегамъ р. Вятки, а съ 1780 г. названъ оффиціально «Вяткой» и главный городъ этой области Хлыновъ. Это отлично зналъ Н. М. Муравьевъ, потому что именно при немъ вышла первая «Памятная Книжка Вятской губ.» на 1857 г., гдѣ была напечатана статья Тягинскаго объ основаніи г. Хлынова. Очевидно, въ бесѣдѣ съ г. Шомпулевымъ назадъ тому 36 лѣтъ (въ 1862 г.) Н. М. Муравьевъ упоминалъ о Вяткѣ—городѣ, прежде Хлыновѣ, а г. Шомпулевъ принялъ Вятку за область, за губернію. О названіи Хлыньей Вятской губерніи эта губернія въ первый разъ слышитъ отъ г. Шомпулева.

Александръ Николаевичъ (1792—1863 г.) былъ старшій сынъ извѣстнаго основателя «Школы Колонновожатыхъ» Николая Николаевича и Александры Михайловны (ур. Мордвиновой). Вся Россія знаетъ трехъ младшихъ братьевъ Александра Николаевича; это были Николай Николаевичъ (1793—1866 г.) Карскій, спаситель султана Махмуда II отъ египетскаго паши Мегмета-Али, намѣстникъ Кавказскій, покоритель Тавриза и Карса; Михаилъ Николаевичъ (1796—1866 г.) Виленскій, министръ государственныхъ имуществъ, усмиритель Сѣверо-Западнаго края, почтенный нынѣ памятникомъ въ Вильнѣ, родоначальникъ графовъ Муравьевыхъ; Андрей Николаевичъ (1805—1876 г.), извѣстный путешественникъ и писатель по церковной исторіи, епитропъ Гроба Господня, «чуть не оберъ-прокуроръ Синода», отличаеый отъ другихъ въ обыкновенномъ разговорѣ названіемъ «Синодскаго».

Какъ и братья, человекъ «большаго ума»¹⁾, Александръ Николаевичъ, по выходѣ изъ московскаго университета въ 1810 г., на девятнадцатомъ году отъ роду поступилъ въ колонновожатые въ чинѣ подпоручика, участвовалъ въ отечественной войнѣ, въ заграничныхъ походахъ 1813—14 годовъ, отличался въ сраженіи при Кульмѣ и многихъ другихъ, при взятіи Парижа, а въ 1816 г. былъ уже полковникомъ въ свитѣ государевой. Но въ 1818 г. онъ былъ арестованъ во время крещенскаго парада за ошибку, сдѣланную 4 унтер-офицерами, и тогда же подалъ прошеніе объ отставкѣ; ему прошеніе возвратили, но онъ рапортовался больнымъ; лѣкарямъ не велѣли давать ему свидѣтельства о болѣзни, но онъ упорно рѣшился оставить службу. Видно было, что это—не мгновенная только вспышка горячаго темперамента, а прорывъ уже давно накопившагося недовольства современнымъ положеніемъ вещей. Говорили знакомые Муравьева, что самъ государь сказалъ, когда Муравьевъ подалъ просьбу объ отставкѣ: «миѣ надо помириться съ Муравьевымъ»; но и это не смягчило Муравьева. Въ

¹⁾ По отзыву П. И. Баргенева, издателя «Русскаго Архива».

первые мѣсяцы 1818 года онъ постоянно бомбардировалъ своего брата Николая Николаевича, служившаго въ Тифлисѣ при Ермоловѣ, горячими посланіями, гдѣ «изображалъ несчастное положеніе, въ которомъ находится отечество, и представлялъ тѣ бѣды, которыя ему предстоятъ». Все это показывало въ Муравьевѣ человѣка, уже сильно «заряженнаго» противъ тогдашняго режима. И дѣйствительно, еще въ 1817 г. Муравьевъ, вмѣстѣ съ родственникомъ своимъ Никитой Михайловичемъ Муравьевымъ, П. И. Нестелемъ, кн. С. П. Трубецкимъ, устроилъ тайное политическое общество—«Союзъ Спасенія», куда, по словамъ декабриста С. И. Кривцова, «старался всячески приглашать и набирать молодыхъ людей», такъ что не безъ основанія его называютъ то «первымъ по времени декабристомъ», то «родоначальникомъ 14 декабря»¹⁾.

Конецъ декабристовъ извѣстенъ—удаленіе на востокъ, въ мѣста довольно «отдаленныя». Туда же попалъ, по повелѣнію 10 іюня 1826 г., и Александръ Николаевичъ; но, какъ человѣкъ «изворотливаго ума», по словамъ того же Кривцова, онъ не былъ лишенъ чина и дворянства и сосланъ въ Сибирь на жительство, а не на поселеніе. Въ Иркутскѣ въ апрѣлѣ 1828 года Муравьевъ успѣлъ поступить и на государственную службу: былъ сначала городничимъ, а потомъ исправлялъ очень важную должность предсѣдателя губернскаго правленія²⁾. Здѣсь же—въ Иркутскѣ онъ, какъ и его начальникъ генераль-губернаторъ А. С. Лавинскій, имѣлъ столкновеніе съ тогдашнимъ архіереемъ Иринеемъ Нестеровичемъ, о которомъ дѣлалъ весьма рѣзкіе отзывы въ письмахъ къ С. Д. Нечаеву, человѣку весьма близкому къ тогдашнему оберъ-прокурору Свят. Синода кн. П. С. Мещерскому. «Епископъ Иринеи,—писалъ Муравьевъ,—употребляетъ (къ исправленію епархіи) средства неприлич-

¹⁾ П. И. Бартеневъ и сенаторъ К. Н. Лебедевъ.

²⁾ По показанію Кривцова, Муравьевъ былъ и въ Читѣ, гдѣ, «по распоряженію начальства, снялъ цѣпи съ привезенныхъ туда декабристовъ». («Русск. Архивъ» 1896 г., X, 167).

ныя архіерею, какъ-то брань и шумъ во время служенія, остановленіе обѣдъ для разныхъ замѣчаній и наставленій. Онъ есть гонитель внутренняго истиннаго христіанства, требуя токмо наружное хожденіе въ церковь, поклоны, словомъ сказать—одни виѣшніе знаки христіанства, преслѣдуя тѣхъ, кои, при наружномъ богослуженіи, упражняются и внутреннимъ, преслѣдуя ихъ насмѣшками, бранью, сжимая кулаки, и тѣлодвиженіями, походящими на драку и побои. Великій почитатель Фотія, архимандрита гдѣ-то въ Новгородѣ, онъ бранитъ все, что не Фотій и не отъ Фотія». Въ другихъ письмахъ къ Нечаеву, отзываясь благосклонно о ректорѣ семинаріи, протоіереехъ Громовѣ и Парняковѣ, игуменьѣ, Муравьевѣ опять пишетъ объ архіерей, что «Ириной навлекъ на себя всеобщій ропотъ, негодованіе и даже пренебреженіе»; а въ одномъ письмѣ называетъ Ириной «звѣрскимъ, лютымъ, соблазнительнымъ». Эти иркутскія письма явно обнаруживаютъ въ Муравьевѣ новую сторону его духовной жизни, показываютъ въ немъ ревностнаго сторонника «внутренняго христіанства», «внутренняго духовнаго дѣланія», человѣка съ масонскою закваской, для котораго имя Фотія—«убійцы масоновъ» было ненавистно, а почитатели Фотія были прямыми врагами. Въ нихъ, въ этихъ иркутскихъ письмахъ, прямо сказался членъ «братства вольныхъ каменьщиковъ», ревностный масонъ, какимъ и былъ Муравьевъ задолго до своего поселенія въ Иркутскѣ.

Въ масоны поступилъ А. Н. еще раньше 1814 года, вѣроятно вскорѣ послѣ 1810 года, когда послѣдовало формальное разрѣшеніе масонскихъ ложъ, когда проявилось особенное оживленіе въ русскомъ масонствѣ и въ спискахъ масоновъ числились даже министръ народнаго просвѣщенія А. К. Разумовскій и министръ полиціи А. Д. Балашовъ. Принятъ былъ въ масоны въ ложѣ «Елизаветы», образовавшейся въ 1809 г. отъ ложи «Александра», основанной въ 1805 г. старыми масонами и (вмѣстѣ съ ложей «Елизаветы») находившейся подъ управленіемъ «Директоріальной ложи Владиміра». Въ 1814 г., во время пребыванія своего

во Франціи, онъ познакомился въ г. Мелюнѣ съ «братомъ» Больтентралемъ, который былъ членомъ «верховой митрополіи Гередона (французскаго масонскаго братства высшихъ степеней) и четырехъ европейскихъ востоковъ», и этотъ братъ Больтентраль, «замѣтивъ въ братѣ Муравьевѣ потребныя качества, сообщилъ ему седьмую степень»¹⁾. Свидѣтельство или патентъ на седьмую степень, выданный Больтентралемъ 9 апрѣля 1814 года, былъ представленъ Муравьевымъ М. Ю. Віельгорскому, управлявшему ложей «Елизаветы»; а Віельгорскій въ свою очередь 17 марта 1817 года представилъ этотъ патентъ въ одно изъ высшихъ учрежденій русскаго масонства—«Капитулъ Феникса». При этомъ Віельгорскій отозвался самымъ благопріятнымъ образомъ о поведеніи и качествахъ владѣльца патента, члена ложи «Елизаветы», полковника свиты Его Величества Муравьева, и ходатайствовалъ предъ «Капитуломъ», чтобы братъ Муравьевъ былъ признанъ въ высокихъ степеняхъ, такъ какъ отличныя дарованія этого брата и его ревность къ ордену подають надежду, что онъ можетъ быть очень полезенъ для ордена. «Капитулъ Феникса» принялъ ходатайство Віельгорскаго и постановилъ: баллотировать Муравьева въ шотландской ложѣ «Александра» въ четвертую и пятую степень и, если при обѣихъ баллотировкахъ всѣ шары окажутся бѣлыми, признать его въ шестой степени и дѣйствительнымъ членомъ «Капитула Феникса». И дѣйствительно, вступившій въ шотландскую ложу «Александра» 22 марта 1817 года братъ Муравьевъ, какъ видно изъ списка членовъ этой ложи, былъ признанъ здѣсь въ четвертой и пятой степеняхъ въ томъ же 1817 году. Кромѣ того А. Н. «работалъ» еще въ ложѣ «Трехъ Добродѣтелей». Эта ложа была торжественно открыта въ январѣ 1816 года;

¹⁾ Первая степень въ «братствѣ вольныхъ каменщиковъ»—ученики, вторая—товарищи, третья—мастеръ съ молоткомъ, ударамъ котораго всѣ повинуются. Трехъ мастеровъ было достаточно, чтобы открыть новую ложу. Но въ нѣкоторыхъ масонскихъ системахъ были, кромѣ трехъ, еще высшія степени.

при открытіи ея присутствовали не только должностныя лица «Директоріальной ложи», но и дружественныя братья ложъ «Елизаветы» и «Соединенныхъ Друзей». Въ ложѣ «Трехъ Добродѣтелей» Муравьевъ въ апрѣлѣ 1817 года былъ избранъ въ надзиратели, и съ іюня этого года былъ намѣстнымъ мастеромъ, а членами ложи въ 1817 году значатся кн. С. Г. Волконскій, кн. С. П. Трубецкой, кн. А. Ипсиланти, Матв. И. Муравьевъ-Апостоль, С. И. Муравьевъ-Апостоль, Никита М. Муравьевъ, П. И. Пестель, П. И. Колошинъ. Въ списокъ же ложи «Соединенныхъ Друзей» встрѣчаются (за 1816 г.) имена генераль-майора А. Х. Бенкендорфа, гвардейскихъ офицеровъ П. Я. Чаадаева, А. С. Грибоѣдова, А. С. Норова, П. И. Пестеля.

И вотъ этакій-то соколъ изъ стаи масонской, летавшій изъ Парижа въ Читту и обратно, залетѣлъ и въ нашу православную Вятку. Передвигаясь изъ Сибири въ Европейскую Россію, Муравьевъ перебрался въ 1832 г. изъ Иркутска въ Тобольскъ, тоже на должность предсѣдателя губернскаго правленія, и здѣсь исправлялъ около 9 мѣсяцевъ должность губернатора, а въ началѣ 1834 года, благодаря покровительству А. Х. Бенкендорфа¹⁾, былъ перемѣщенъ въ Вятку на должность предсѣдателя уголовной палаты, съ сохраненіемъ за нимъ всего получаемого въ Тобольскѣ содержанія.

Въ Вятку пріѣхалъ А. Н. вмѣстѣ съ семьей 11 марта 1834 года. Въ 1818 г. онъ женился на Парасковѣ Михайловнѣ, урожденной княжнѣ Шаховской, и любящая его же

¹⁾ Н. Н. Муравьевъ-Карскій еще въ концѣ декабря 1833 года былъ у А. Х. Бенкендорфа, чтобы поблагодарить его «за участіе въ переводѣ» брата Александра въ Европейскую Россію изъ Тобольска. Въ началѣ 1834 года Николай Николаевичъ былъ у вел. княгини Елены Павловны и «съ искреннемъ разговорѣ» высказалъ ей свои чувства (нерасположенія) къ здѣшнему (придворному) роду жизни и свое намѣреніе навѣстить старшаго брата Александра въ Вяткѣ.

— Это занимательное путешествіе, сказала великая княгиня. — Кому не лестно видѣть богатыя восточныя губерніи Россіи! И я бы съ удовольствіемъ въ нихъ побывала («Р. Архивъ» 1894 г., IX, 49).

Но Николай Николаевичъ не успѣлъ побывать у брата въ Вяткѣ.

на сопровождала его, вмѣстѣ съ сестрами княжнами Шаховскими, въ Иркутскъ, Тобольскъ, затѣмъ и въ Вятку.

Черезъ недѣлю по приѣздѣ Александра Николаевича, 19 марта, скончался въ Вяткѣ губернаторъ Е. Е. Ренкевичъ. Присутствуя на похоронахъ губернатора, А. Н. присматривался къ участвовавшему въ погребеніи духовенству и спрашивалъ о выдающихся лицахъ между вятскими іереями и протоіереями своихъ знакомыхъ, чтобы избрать духовнаго отца для себя и своего семейства. Между прочими знакомыми онъ спрашивалъ вице-губернатора А. Л. Аванасьева, а также дѣтей покойнаго губернатора Ефима Ефимовича и Марью Ефимовну Ренкевичей, и слышалъ отъ Аванасьева самый лестный, а отъ Ренкевичей почти восторженный отзывъ о протоіерей Азаріѣ Тимоѣевичѣ Шиллегодскомъ, какъ умномъ и назидательномъ проповѣдникѣ, самомъ внимательномъ духовномъ отцѣ и рѣдкомъ по добротѣ и личному характеру человѣкѣ.

Каѳедральный протоіерей (1829—1866 г.) А. Т. Шиллегодскій и заслуживалъ такого отзыва. Воспитанникъ перваго курса Московской духовной академіи, онъ былъ другомъ и любимцемъ одного изъ лучшихъ и наиболѣе памятныхъ Вяткѣ архіереевъ, преосв. Кирилла Платонова (1827—1832 г.) и правую руку преосв. Неофита Соснина (1838—1851 г.), съ которыми, по отъѣздѣ ихъ изъ Вятки, велъ постоянно самую дружескую и интимную переписку до конца ихъ жизни, нерѣдко получая отъ послѣдняго просьбы «о совѣтѣ». Не столь интимныя, но тоже близкія и дружескія отношенія онъ имѣлъ и къ преосвященнымъ Вятскому Іоаннику Образцову (1832—1835) и Черниговскому Варлааму Денисову, съ которыми имѣлъ тоже частую и откровенную переписку. Не обходили своимъ вниманіемъ полезную дѣятельность и заслуги о. Азарія и прочіе здѣшніе архіереи, при которыхъ онъ служилъ въ качествѣ самаго опытнаго и вліятельнаго члена духовной консисторіи.

Въ первой половинѣ апрѣля Александръ Николаевичъ познакомился поближе съ о. Азаріемъ и просилъ его быть

духовникомъ своимъ и своего семейства. Знакомство, при взаимномъ уваженіи того и другого, перешло потомъ въ болѣе дружескія и откровенныя отношенія, которыя не прекратились и съ отъѣздомъ Александра Николаевича изъ Вятки.

Лѣтомъ 1834 года бесѣды новыхъ знакомцевъ не могли быть частыми: о. Азарій былъ боленъ, пользовался кумысомъ и для отдохновенія среди сельской природы ѣздилъ въ с. Верховское и Лажское. Но съ осени того же года свиданія ихъ участились. Въ октябрѣ въ дневникѣ о. Азарія оказалась такая запись:

«Въ апрѣлѣ я былъ приглашенъ А. Н. Муравьевымъ для исповѣданія его съ семействомъ и началъ знакомство мое съ симъ отличнымъ человѣкомъ. Нерѣдкое бесѣдованіе съ нимъ на-единѣ утверждаетъ меня въ той мысли, что онъ не духа міра сего принялъ и не духомъ міра водится во всѣхъ дѣлахъ своихъ».

Не много спустя о. Азарій опять отмѣтилъ въ дневникѣ:

«А. Н. Муравьевъ въ продолженіи времени удостоилъ меня своей довѣренности, и открывалъ мнѣ душу свою. Вчера (25 октября) показывалъ мнѣ письма московскаго духовника своего, Воскресенской церкви въ Барашахъ протоіерея Симеона Ивановича Соколова ¹⁾ и далъ на домъ переписку его самого съ бар. Врангелемъ».

Доселѣ все шло гладко и любовно. О. Азарій съ удовольствіемъ и наслажденіемъ слушалъ умныя рѣчи своего собесѣдника, приглашавшаго къ высшимъ подвигамъ духовнаго дѣланія. Но вотъ 28 октября, вкушая сладкую бесѣду Александра Николаевича, о. Азарій въ первый разъ нѣсколько... поперхнулся. Это обстоятельство такъ отмѣчено въ дневникѣ о. протоіерея:

«Октября 28 Парасковья Михайловна Муравьева—имениница. Отъ воспоминанія объ умершей дочери своей Па-

¹⁾ Объ немъ—въ «Обзорѣ духовной литературы» Филарета, 489.—Соколовъ перевелъ извѣстную книжку Оомы Кемпійскаго.

раскевъ, которая въ сей день также была имянинница, она въ скорби и въ слезахъ, и потому никого не принимала. Я былъ у ней, и для утѣшенія ея мы съ Александромъ Николаевичемъ завели рѣчь о грядущей блаженной вѣчности для умирающихъ во Христв. Въ семъ разговорѣ А. Н. открылъ, что, по мнѣнію его, надобно ожидать пришествія на землѣ видимаго тысящелѣтняго царствія Иисуса Христа; что ко времени сего пришествія, которое не есть послѣднее для суда всеобщаго, воскреснуть только праведные; что сіе-то воскресеніе и называется въ Апокалипсисѣ св. Іоанна (гл. XX) воскресеніемъ первымъ.— Сіе ученіе есть иное ученіе, а не то, которое мы приняли отъ матери нашея церкви. Господи! послѣ мнѣ Свѣтъ Твой и Истину Твою, дабы я могъ себя и другихъ удержать во здоровомъ ученіи и противящіяся обличати».

Тѣмъ не менѣе самое близкое общеніе и откровенныя бесѣды двухъ друзей, какъ стали называть себя Александръ Николаевичъ и Азарій Тимоѣевичъ, продолжались безпрепятственно въ концѣ 1834 и началѣ 1835 года; при чемъ оба друга испытывали одинаково несприятное ощущеніе, если что либо мѣшало ихъ сердечнымъ изліяніямъ. Такъ напр. въ дневникѣ о. Азарія 6 января 1835 г. замѣчено, что «вечеромъ была бесѣда у А. Н.—ча, но къ сожалѣнію посѣщеніе губернатора (Тюфяева) прервало ее на цѣлый часъ». О. Азарій со всею искренностію жаловался Александру Николаевичу на нѣкоторыя свои слабости, которыхъ не могъ одолѣть въ себѣ, и просилъ совѣта, какъ ему избавиться отъ этихъ слабостей; а Александръ Николаевичъ приходилъ на помощь другу тѣмъ, что напоминалъ ему мѣста изъ священнаго писанія, которыя тотъ долженъ былъ постоянно и твердо помнить, чтобы побороть свои духовныя недуги. Иногда они сообща рѣшали недоумѣнные вопросы, которые возбуждалъ въ нихъ тотъ или другой священный текстъ, и о. Азарій часто отмѣчалъ у себя предварительно тексты писанія, о которыхъ было «надо поговорить съ Александромъ Николаевичемъ». Послѣдній, съ своей стороны, снабжалъ

о. Азарія книгами изъ своей бібліотеки, давалъ ему то Арндта, то Тайнство Креста, то «отрывокъ изъ іудейскихъ древностей, въ коемъ содержатся завѣщанія XII патріарховъ». Иногда они и читали вмѣстѣ; такъ въ январскомъ дневникѣ о. Азарія за 1835 г. мы нашли такую запись:

«Января 13 началъ вечеръ чтеніемъ «Духовной Браи» у себя въ кабинетѣ, а кончилъ у А. Н. Муравьева. Читали и письма изъ Москвы отъ С. И. Соколова и отъ нѣкогого Маслова, коими сіи рабы Христовы утверждаютъ его (А. Н—ча) на пути искушенія и очищенія. Читали еще вмѣстѣ съ княжнами (Шаховскими—сестрами больной Парасковьи Михайловны) письмо о дѣвицѣ Азанчевской, чудесно исцѣленной молитвами и благодатнымъ посредствомъ святителя Митрофана. Былъ и разговоръ о явленіяхъ духовъ добрыхъ и злыхъ. Возвратился домой въ мирномъ и пріятномъ расположеніи духа».

29 января 1835 года чуть не весь городъ Вятку взволновали двѣ почти одновременныя смерти: утромъ въ 7 часовъ скончалась вице-губернаторша Н. И. Аванасьева, а въ 4½ часа пополудни—Парасковья Михайловна Муравьева. Передъ смертью, въ 9 часовъ утра, она была исповѣдана о. Азаріемъ, а за два часа до кончины онъ совершилъ надъ ней таинство елеосвященія.

Александръ Николаевичъ былъ тяжело потрясенъ кончиною любимой супруги. Никакія дружескія увѣщанія и утѣшенія въ то время на него не дѣйствовали. Онъ рѣшился покинуть Вятку вмѣстѣ съ тѣломъ своей покойницы.

Дней за десять до отъѣзда Александра Николаевича изъ Вятки пріѣхалъ къ нему одинъ изъ «братьевъ вольныхъ каменьщиковъ», направлявшійся въ Тобольскъ за женою, которая почему-то была въ Сибири, Серафимъ Алексѣевичъ Поспѣловъ ¹⁾. О. Азарій, почти ежедневно посѣщавшій Александра Николаевича предъ его отъѣздомъ, познакомился у него съ пріѣзжимъ гостемъ 7 марта, и въ квартирѣ А. Николаевича опять начались бесѣды «о кратчайшемъ и вѣр-

¹⁾ Проживавшій передъ тѣмъ въ с. Болотовѣ, Коломенскаго уѣзда.

нѣйшемъ пути къ царствію Христову», а Пospѣловъ повелъ рѣчь «о сообщеніи съ загробнымъ міромъ». Какіе были результаты этихъ бесѣдъ лично для о. Азарія, видно изъ записей въ его дневникѣ. Здѣсь мы прочитали:

«Марта 7 знакомство и бесѣда съ С. А. П—мъ у Александра Николаевича. П—въ раскрывалъ слегка понятія свои; но я не понималъ его и противорѣчилъ ему. Назидательная для духа, но утомительная для немощной плоти моей бесѣда продолжалась до 2-хъ часовъ за полночь.

«Марта 8 я опять посѣтилъ Александра Николаевича. Читали 1-ю главу евангелія отъ Іоанна. Новый знакомецъ раскрылъ себя яснѣе. Мнѣ кажется, я начинаю видѣть нѣкое мерцаніе свѣта.

«Марта 9 посѣтилъ я вечеромъ друзей Божіихъ и укрѣпленъ назидательнымъ общеніемъ ихъ.

«Марта 10 утреню и литургію служилъ съ добрымъ расположеніемъ: память творили по усопшей Парасковѣ Михайловнѣ. Вечеромъ опять былъ у А. Н—ча и сначала былъ восхищенъ нравоучительною бесѣдою; но подъ конецъ ея слово С. А—ча о злыхъ духахъ повергло душу мою въ сомнѣніе, и такъ встревожило меня, что я никакъ не могъ успокоиться чрезъ всю ночь.

«Марта 11 и 12 душа моя въ ужасной тревогѣ и мракѣ. Въ оба дня былъ вмѣстѣ съ новыми друзьями; но и въ тотъ и другой случайные гости не дали намъ говорить свободно. Не персть ли это Божій?.. Не уклони, Господи, сердце мое въ словеса лукавствія! Посли мнѣ Свѣтъ Твой и Истину Твою!».

Такъ и здѣсь повторилось отчасти то, что происходило при бесѣдахъ митр. Платона съ Н. И. Новиковымъ. Пока шли піэтистическіе разговоры о нравственномъ совершенствованіи и средствахъ къ его достиженію, приходилось даже удивляться тѣмъ высокимъ требованіямъ совершенства, какія предъявлялись адептами внутренняго христіанства; но какъ только разговоръ сходилъ на почву христіанской догмы, и совѣсть и болѣе основательное богословское об-

разованіе служителя алтаря сейчасъ же высказывались противъ мечтательности и заносчивости масона...

Иного рода послѣдствія отъ бесѣдъ Поспѣлова были для самого Александра Николаевича. И самъ А. Н., какъ и другіе масоны (напр. Витбергъ), придавалъ чрезвычайное значеніе сновидѣніямъ и вѣрилъ въ возможность непосредственнаго общенія съ загробнымъ міромъ посредствомъ разныхъ видѣній; а С. А. Поспѣловъ былъ уже специалистъ по части такихъ видѣній. Еще подъ 13 января, задолго до прїѣзда въ Вятку новаго масона, о. Азарій записалъ въ дневникѣ, что Александромъ Николаевичемъ «сказано по секрету о явленіи нѣкому г. Поспѣлову нѣкоей женщины». Въ третій день знакомства съ о. Азаріемъ Поспѣловъ уже рассказывалъ послѣднему, что видѣлъ многозначительный сонъ передъ днемъ, въ который началъ бесѣду съ о. Азаріемъ, — «сѣяніе, возрастаніе и расцвѣтаніе различныхъ цвѣтовъ». Андрей Николаевичъ Муравьевъ говоритъ, что это былъ «мечтатель, который утверждалъ, что чрезъ нѣкое вещественное очищеніе можно достигнуть до видѣнія усопшихъ». Постоянные рассказы этого мечтателя такъ сильно подѣйствовали на разстроеннаго тяжелой потерей Александра Николаевича, что онъ, по словамъ того же Андрея Николаевича, «мечталъ иногда видѣть» усопшую жену свою предъ собою и даже разговаривать съ нею.

15 марта Александръ Николаевичъ оставилъ Вятку вмѣстѣ съ тѣломъ своей дорогой покойницы. По словамъ Андрея Николаевича, онъ «почти всю дорогу до Москвы ѣхалъ на гробовой ея колесницѣ».

Это послѣднее обстоятельство дошло до свѣдѣнія митр. Филарета и очень его встревожило. Въ концѣ апрѣля митрополитъ писалъ Андрею Николаевичу: «Забота внушена мнѣ свѣдѣніями о братцѣ вашемъ. Онъ путешествовалъ въ одномъ экипажѣ съ гробомъ и бралъ сюда иногда дѣтей: тутъ есть преувеличеніе, не безопасное. То же примѣтно въ его увѣренности о близости къ нему покойной». Андрей Николаевичъ, послѣ долговременной разлуки, увидѣлся съ сво-

имъ старшимъ братомъ въ концѣ іюня и нашель его уже въ болѣе спокойномъ состояніи. 30 іюня онъ писалъ С. Д. Нечаеву, тогда уже обер-прокурору Синода: «брата Александра я нашель слабаго тѣломъ, но въ спокойствіи духа; невозможно было ожидать, чтобъ онъ перенесъ такъ свою потерю, и нельзя сомнѣваться, чтобы необычайныя утѣшенія не были ему даны въ началѣ для поддержанія его духа». Но иначе смотрѣлъ на «необычайныя утѣшенія» митр. Филаретъ. «Для меня,—писалъ онъ Андрею Николаевичу своимъ отточеннымъ стилемъ,—заботливо состояніе вашего брата, который близъ васъ; но для васъ оно, видно, вовсе не раскрыто. Есть люди, для которыхъ невидимое какъ будто не существуетъ: невыгодное устраненіе отъ неминуемаго. Но есть также люди, которые силою воли сдѣлали, такъ сказать, проломъ въ духовный міръ, или думаютъ, что сдѣлали, и стараются удержать его открытымъ. Надобно ли? Въ порядкѣ ли? Не скромнѣе ли остаться въ ожиданіи и надеждѣ предъ затворенными вратами града,—въ ожиданіи когда отверзеть ихъ *имѣй ключъ Давидовъ*».

Издавая это письмо въ 1869 г., Андрей Николаевичъ уже не упоминаетъ о «необычайныхъ утѣшеніяхъ» его брата, а замѣчаетъ только, что «митрополитъ въ этомъ письмѣ говорить о духовномъ настроеніи брата Александра, который, будучи удрученъ скорбію о кончинѣ жены, увлекался внушеніями одного мечтателя: будто, чрезъ пѣкое вещественное очищеніе, можно достигнуть до духовнаго видѣнія усопшихъ».

Съ отъѣздомъ изъ Вятки А. Н—ча и Поспѣлова прекратились тревоги о. Азарія; но сношенія его съ Александромъ Николаевичемъ не прекратились. Между ними началась переписка, продолжавшаяся, хотя и съ большими перерывами, въ теченіе почти десяти лѣтъ. Письма о. Азарія намъ неизвѣстны; но отъ Александра Николаевича въ портфель о. Азарія осталось 6 писемъ, писанныхъ весьма бойкимъ, почти стремительнымъ, почеркомъ, за время съ 23 іюня 1835 года по

10 декабря 1844 года ¹⁾. И въ этой перепискѣ Александръ Николаевичъ остается по прежнему мистикомъ-піетистомъ и старымъ масономъ: почти въ каждомъ письмѣ мы встрѣчаемъ то піетистическое объясненіе текстовъ писанія, то изложеніе частныхъ масонскихъ мнѣній, то апологию такихъ мнѣній противъ возраженій на нихъ о. Азарія. Здѣсь, конечно, неумѣстно передавать содержаніе этихъ довольно объемистыхъ писемъ; но мы все-таки постараемся отмѣтить хотя нѣкоторыя выдающіяся мѣста изъ нихъ, вмѣстѣ съ біографическими подробностями объ Александрѣ Николаевичѣ, какія даютъ письма.

Похоронивъ свою супругу, Александръ Николаевичъ временно проживалъ въ своемъ селѣ Ботовѣ, не далеко отъ Москвы, гдѣ получилъ извѣстіе о перемѣщеніи своемъ изъ Вятки въ Симферополь, и гдѣ послѣ 15-лѣтней разлуки онъ былъ обрадованъ свиданіемъ съ братьями Андреемъ (въ іюнь) и Николаемъ (въ іюль). Но еще до свиданія съ ними, еще не оправившись совсѣмъ отъ болѣзни, онъ отправилъ первое письмо къ о. Азарію отъ 23 іюня ²⁾. «Лучше опомниться и раскаяться въ своемъ преступленіи,—писалъ онъ,—нежели молча коснѣть въ ономъ. Такъ и я передъ вами болѣе нежели кругомъ виноватъ, что молчалъ такъ долго, и прошу вашего прощенія. Имѣю много и извиненій: былъ боленъ и теперь еще слабъ, былъ водимъ новыми путями, истинно былъ очень—очень озабоченъ. Если вы, не смотря на мою вину, хотите писать ко мнѣ, то пишете въ Волоколамскъ, ибо я все еще въ Ботовѣ. Я переведенъ въ Крымъ, но еще не поѣхалъ, и едва ли тамъ буду. Любви нашей, почтеннѣйшей другъ, основанной на живомъ камнѣ І. Христѣ, нѣтъ и быть не можетъ конца и предѣловъ... И я прошу васъ любить меня, какъ я васъ люблю, да будемъ едино во Господѣ». Въ этомъ же письмѣ онъ помѣстилъ

¹⁾ Копія съ этихъ писемъ и выдержки изъ дневника о. Азарія списаны нами въ 1873 г., съ позволенія вдовы о. протоіерея Елизаветы Гавриловны.

²⁾ О. Азарій не могъ начать первый переписку потому, что не зналъ, гдѣ проживалъ А. Н.

свое объясненіе двухъ текстовъ (1 Коринѣ. II, 6—10 ст. и Еванг. Іоанна XVII, 21—23), въ доказательство, что есть высшая степень въ христіанствѣ—«совершенные», и что къ достиженію ея надо стремиться всѣми силами.

Какъ видно изъ этого перваго письма, Александръ Николаевичъ сначала не хотѣлъ ѣхать въ Симферополь, и дѣйствительно, изъ «Записокъ» его брата Николая Николаевича мы узнаемъ, что Николай Николаевичъ въ Красномъ Селѣ 27 іюня передавалъ А. Х. Бенкендорфу просьбу брата о перемѣнѣ сдѣланнаго ему назначенія на другое, по близости Москвы; но Бенкендорфъ находилъ невозможнымъ беспокоить государя такую просьбою, съ чѣмъ согласился и Николай Николаевичъ. Въ Симферополь выѣхалъ Александръ Николаевичъ не раньше конца октября, и только 8 ноября, во время ледохода, пріѣхалъ къ Кіеву, гдѣ остановился со всей семьей у брата Николая Николаевича и прогостилъ у него болѣе недѣли, а въ Симферополь прибылъ только 6 декабря. О своемъ переселеніи на югъ онъ извѣстилъ о. Азарія письмомъ отъ 16 января 1836 года: «Изъ Ботова мы проѣхали въ деревню сестры жены моей М. М. Голынской, Могилевской губ., а оттуда, пригласивъ и ее съ семействомъ, отправились въ Симферополь чрезъ Кіевъ. Тамъ были въ знаменитыхъ пещерахъ, поклонились св. печерскимъ угодникамъ и просили ихъ быть нашими ходатаями у престола милосердія и любви. Въ Печерской лаврѣ между прочими книгами я взялъ и для васъ, почтеннѣйшій другъ, кіевскій молитвословъ, который вамъ и посылаю и прошу принять въ знакъ памяти». Въ этомъ же пространномъ письмѣ А. Н. даетъ мистическое толкованіе двухъ текстовъ (Быт. III, 22—24 и Еванг. Іоанна I, 9) и пишетъ апологію по поводу высказаннаго о. Азаріемъ опасенія, «чтобы лукавая натура своихъ порожденій отъ змїйнаго сѣмени не признавала благодатными прозябаніями Слова». Тутъ же онъ сообщаетъ о себѣ, что «находится подъ тяжкимъ крестомъ внутреннимъ», что «если бы не общенія съ другомъ, при блаженной кончинѣ котораго о. Азарій присутствовалъ, то неизвѣстно—что было

съ нимъ самимъ» (А. Н.—чемъ); а о Поспѣловѣ увѣдомляеть, что тотъ служить секретаремъ при немъ въ уголовной палатѣ.

О. Азарія А. Н. просилъ въ этомъ письмѣ адресовать письма къ нему «до времени» въ Симферополь; кажется, онъ надѣялся тогда на повышение по службѣ. Неутомимымъ ходатаемъ за него былъ братъ его Николай Николаевичъ, который постоянно докучалъ о немъ то А. Х. Бенкендорфу, то А. Θ. Орлову, то даже самому государю. Еще 23 іюля 1835 года, пользуясь благосклоннымъ приѣмомъ Николая Павловича, Николай Николаевичъ просилъ его:

—Позвольте мнѣ, Ваше Величество, поручить милостивому вниманію Вашему брата Александра, возвратившагося изъ Сибири.

—Времени, повременн,—сказалъ государь весьма ласково,—я уже перевелъ его нынѣ въ Симферополь; все обойдется, все поправится. Я очень доволенъ твоимъ братомъ (Михаиломъ), который въ Курскѣ.

На неоднократные вопросы, обращенные къ А. Х. Бенкендорфу, «сдѣлалъ ли онъ что либо для брата Александра», тотъ наконецъ (въ октябрѣ или ноябрѣ) объявилъ Николаю Николаевичу, что братъ его Александръ будетъ назначенъ губернаторомъ въ Кіевъ или Каменецъ-Подольскъ. Но это назначеніе не состоялось, а вмѣсто того въ 1836 г. Александру Николаевичу пришлось выдержать тяжелое столкновение съ мѣстнымъ губернаторомъ А. И. Казначеевымъ и прокуроромъ и возбудить неудовольствіе противъ себя въ генераль-губернаторѣ М. С. Воронцовѣ. Воронцовъ 31 марта писалъ объ этомъ С. Д. Нечаеву: «Муравьевъ—въ страпномъ увѣреніи, что кромѣ его въ губерніи нѣтъ ни одного честнаго человѣка; онъ все будетъ продолжать доносить и тѣмъ болѣе портить всё дѣла, которыхъ касается. Я думалъ, что, по извѣстной всѣмъ его набожности, на страстной недѣлѣ онъ будетъ склоненъ къ примиренію, но и тутъ ошибся. Въ Симферополѣ я просилъ его впредь не жаловаться мнѣ о такихъ вещахъ, которыхъ я ей-Богу не пони-

маю, но представлять прямо министру юстиціи». О своемъ столкновеніи съ симферопольскими властями Александръ Николаевичъ извѣстилъ о. Азарія письмомъ отъ 23 ноября 1836 года: «Много, очень много виновать предъ вами, любезнѣйшій другъ, что по сіе время не отвѣчалъ на письмо ваше отъ 4 марта. Все это время я былъ въ тискахъ совнѣ и снутри. Со внѣшней стороны я выдержалъ отъ здѣшнихъ губернатора, прокурора и генераль-губернатора такую осаду, что, если бы не Господь помогъ мнѣ, то я согнанъ былъ бы съ поприща служебнаго. На меня напали за то, что я по долгу званія моего и присяги обличалъ беспорядки; дѣло было въ разсмотрѣніи Сената, и правость моя съ торжествомъ оттуда вышла, хитрость же и пронырства моихъ противниковъ были поруганы. Вообразите же, что я долженъ былъ выдерживать отъ своихъ сильныхъ противниковъ, пока дѣло окончательно не рѣшилось въ Петербургѣ. Внутреннее мое состояніе подверглось огненному искушенію... Неоднократно и съ сердечнымъ удовольствіемъ перечитывалъ я письмо ваше. Вы сомнѣваетесь, «не мечта ли это, не леть ли змінна, что одно желаніе жить для Бога почитается уже признакомъ искры жизни, начатка Духа Божія». «Нѣтъ!»— отвѣчаетъ А. Н. и пишетъ почти двѣ страницы въ свою защиту со ссылкой на слова ап. Павла (Филип. II, 13.—Солун. V, 19—24.—Римл. V, 20—21). Въ концѣ письма онъ извѣщаетъ о Поспѣловѣ: «С. А—чъ употребилъ во зло мою довѣренность въ такое время и такими средствами, противъ которыхъ трудно было устоять. Но Господь открылъ мнѣ глаза на-щеть сего, смѣю сказать, посланника ада. Сіе открытіе сдѣлалось чуднымъ посредствомъ моего усопшаго друга (П. М—ны), о чемъ неудобно говорить въ письмѣ. Съ П—мъ я навсегда разстался, онъ поѣхалъ къ себѣ въ Суздальскій уѣздъ. Прошу васъ, какъ друга, остерегаться его, хотя я отъ души ему прощаю».

Изъ Симферополя же было написано четвертое письмо Александра Николаевича, отъ 8 марта 1837 года, которое содержитъ въ себѣ бесѣду «о брани съ плотію и кровію» и

разнообразныя мистическія варіаціи на тему: «чтобы дѣлать истинное добро, надо прежде удалиться отъ зла». . . Замѣчательно въ этомъ письмѣ мнѣніе А. Н—ча, что «надо оставить всѣ книги человѣческія, кромѣ святаго писанія, ибо онѣ—произведенія человѣческой промышленности, въ заблужденіи художествующей». Не соглашается также онъ съ мнѣніемъ о. Азарія, что уединеніе можетъ способствовать нашему внутреннему усовершенствованію: «это есть ничто иное,—по словамъ Александра Николаевича,—какъ мечта и заблужденіе среднихъ вѣковъ христіанства». Въ заключеніе письма, на опасеніе о. Азарія, что его забываютъ въ Симферополѣ, А. Н. отвѣчаетъ: «забыть васъ, люб—шій другъ, я не могу, и прошу васъ о семъ и не думать; обнимаю васъ отъ всего сердца, которое стоитъ отверзто для васъ, какъ дверь отворенная».

Но послѣ воздушныхъ симферопольскихъ объятій письменная бесѣда А. Н.—ча съ о. Азаріемъ прервалась болѣе чѣмъ на семь лѣтъ.

Въ августѣ 1837 года неутомимый ходатай за Александра Николаевича, братъ его Николай Николаевичъ просилъ гр. Орлова (занимавшаго временно мѣсто Бенкендорфа) «принять участіе въ положеніи брата доставленіемъ ему губернаторскаго мѣста», и Орловъ обѣщаль ему «принять участіе въ семъ дѣлѣ». Въ сентябрѣ, въ проѣздъ свой чрезъ Симферополь, гр. Орловъ принялъ Александра Николаевича очень дружественно, «обѣщался отъ души быть всегда ходатаемъ за него», только предложилъ ему обождать нѣкоторое время (по случаю неудовольствія государя на неудачный смотръ корпуса Николая Николаевича). Воронцовъ съ своей стороны уже не жаловался на Александра Николаевича и желалъ ему успѣха въ исканіи губернаторства, только—не въ его губерніяхъ. Такимъ образомъ состоялось наконецъ въ концѣ 1837 года назначеніе Александра Николаевича губернаторомъ въ Архангельскѣ. Губернаторствовалъ онъ однако же недолго ¹⁾. Черезъ два года по какому-то

¹⁾ Въ это время (1838—39 г.) Николай Николаевичъ жилъ въ селѣ его Ботовѣ.

дѣлу онъ оставилъ службу, и, кажется, по смерти отца († 30 августа 1840 г.) поселился въ Долголядахъ.

Въ началѣ 1842 года здѣсь посѣтилъ его Николай Николаевичъ и такъ изобразилъ въ своихъ «Запискахъ» тогдашнюю жизнь брата въ Долголядахъ. «Около 15 января я отправился къ брату въ Долголяды. Александръ ожидалъ меня съ дружбою и тщился сколь можно болѣе выразить радость свою всеми угожденіями, какія въ силахъ былъ оказывать. Онъ желалъ присоединить къ тому и сколь можно болѣе блеску: выставилъ пушки свои передъ воротами и открылъ пальбу изъ нихъ, при вѣздѣ моемъ на дворъ. Комнаты были освѣщены съ роскошью. Многолюдное семейство его, состоящее изъ Шаховскихъ, приняло меня привѣтливо. Я занялъ тотъ же кабинетъ, въ которомъ останавливался, когда пріѣзжалъ къ покойному отцу. Домъ былъ полонъ народа, обмѣблированъ заново и по устройству своему представлялъ возможные выгоды для жильцовъ (просторъ, теплота, чистота воздуха и проч.), и они вполне наслаждались сими удобствами. Жизнь свою братъ проводилъ пріятно среди Шаховскихъ, тщательно угождавшихъ ему; въ домѣ его много дружбы, согласія и слѣд. счастья; въ семь отношеніи онъ надѣленъ лучше многихъ».

Передъ самымъ пріѣздомъ Николая Николаевича въ Долголяды, здѣсь получено было письмо изъ Петербурга отъ брата Михаила Николаевича, который увѣдомлялъ, что «дѣло Александра Николаевича, по коему онъ былъ уволенъ отъ должности губернатора въ Архангельскѣ, приняло хорошій оборотъ, и что онъ могъ получить вознагражденіе за претерпѣнное имъ напрасно»; почему Михаилъ Николаевичъ и совѣтовалъ брату пріѣхать въ Петербургъ. Александръ Николаевичъ дѣйствительно въ 1842 г. ѣздилъ въ Петербургъ, прожилъ тамъ довольно продолжительное время, много разъ бывалъ у гр. А. Ѡ. Орлова; но новаго назначенія его въ губернаторы тогда не послѣдовало, и онъ возвратился въ пріютъ «дружбы, согласія и счастья», въ свои Долголяды.

И вотъ изъ этихъ-то «райскихъ» Долголядь или Долголядія, какъ писалъ А. Н., 8 сентября 1844 года получено было въ Вяткѣ письмо, посланное 29 іюля. Поводомъ къ возобновленію переписки была поѣздка въ Вятку домашняго учителя сына Александра Николаевича — А. И. Банникова, который былъ, кажется, вятскимъ урожденцемъ. Банниковъ, проживавшій въ Долголядахъ болѣе четырехъ лѣтъ, писалъ тамъ біографію Сведенборга, «зналъ его теологическія изложенія», и по пріѣздѣ въ Вятку, по порученію Александра Николаевича, долженъ былъ передать о. Азарію какъ свѣдѣнія о жизни обитателей Долголядія, такъ и взгляды свои на Сведенборга и его ученіе, а также передать о. Азарію лично письмо Александра Николаевича. Въ письмѣ А. Н. просилъ о. Азарія сообщить ему свой отзывъ о двухъ переведенныхъ съ латинскаго книжкахъ «знаменитаго и Богомъ просвѣщеннаго мужа» Емм. Сведенборга («О жизни» и «О свящ. писаніи»). О. Азарій далъ краткій отзывъ объ этихъ сочиненіяхъ извѣстнаго визионера изъ визионеровъ (1688—1772 г.), и нашелъ въ одной изъ книжекъ «схоластизмъ разумниковъ», а въ другой «мысли несогласныя съ принятыми церковію», прибавивъ, что «прочиталъ книжки наускорѣ», такъ какъ долженъ былъ возвратитъ ихъ Александру Николаевичу. На письмо о. Азарія Александръ Николаевичъ отвѣтилъ письмомъ изъ Долголядія отъ 10 декабря, гдѣ благодарилъ о. Азарія за память и дружбу и просилъ сохранить эту дружбу, «на которую имѣлъ право по любви и уваженію» къ о. Азарію; затѣмъ извѣщалъ о томъ, что занимается изученіемъ священнаго языка, чтобы перевести Слово Божіе на русскій, и что это ему довольно хорошо удается. По поводу же отзыва о. Азарія о книжкахъ Сведенборга, А. Н. писалъ, что не согласенъ съ этимъ отзывомъ, хвалилъ обѣ книжки и предлагалъ снова послать ихъ о. Азарію, если тотъ пожелаетъ снова перечитать ихъ. Но, видно, о. Азарій не изъявилъ желанія снова читать произведенія чловѣка, который хвалился тѣмъ, что имѣлъ множество божественныхъ откровеній, имѣлъ общеніе со свя-

тymi и ангелами; и обмѣнъ писемъ между Вяткой и Долголядами прекратился...

Въ 1854 г., на 62 году жизни, Александръ Николаевичъ снова вступилъ въ военную службу, въ 1855 г. былъ начальникомъ штаба 2-го пѣхотнаго корпуса и отправился въ дѣйствующую армію въ Крымъ, а затѣмъ былъ причисленъ къ генеральному штабу. 10 сентября 1856 года онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Нижній Новгородъ.

О нижегородскомъ губернаторствѣ Александра Николаевича недавно напечатана особая статья А. А. Савельева въ «Русской Старинѣ» 1898 г. (іюнь—іюль), къ которой мы и отсылаемъ желающихъ ближе ознакомиться съ нижегородскимъ періодомъ жизни Муравьева. Здѣсь же отмѣчаемъ фактъ изъ его нижегородской жизни, описанный въ другой статьѣ—г. Демьянова въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1893 года (май): «благодаря усиленнымъ хлопотамъ и стараніямъ губернатора Муравьева, попавшій неожиданно въ 1857 г. въ Нижній Т. Г. Шевченко былъ окончательно помилованъ и весной 1858 года получилъ разрѣшеніе на право свободного проживанія въ столицахъ». «Не касаясь нравственныхъ качествъ Муравьева, мы не можемъ»,—говоритъ г. Демьяновъ,—«не указать на одну симпатическую черту въ его характерѣ: это былъ въ высшей степени добрый человекъ, ко всѣмъ безразлично относился гуманно и сердечно; съ особенной же силой проявлялось это чувство тогда, когда вопросъ касался помощи въ горѣ или бѣдѣ».

Въ октябрѣ 1861 г. А. Н. Муравьевъ, въ чинѣ генераль-лейтенанта, былъ назначенъ сенаторомъ.

18 декабря 1863 года онъ скончался и погребенъ въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

22 іюня 1866 г. скончался и Азарій Тимоѣевичъ Шиллегодскій и погребенъ въ Вятскомъ Успенскомъ монастырѣ.

Мы были знакомы съ о. Азаріемъ въ послѣдніе (1860--66) годы его жизни; но намъ не привелось слышать отъ него лично что либо объ А. Н. Муравьевѣ.

А. В.